

В тесноте...

(Об одной характерной черте русской традиционной бытовой культуры)

А.В. Шипилов

«В тесноте, да не в обиде», — гласит распространенная русская пословица. В этой емкой формуле отлился многовековой опыт народа, одну из сторон традиционной бытовой культуры которого мы попытаемся охарактеризовать в этой статье. Речь идет о том, какое количество жилой площади приходилось на одного человека в обычной крестьянской избе. Действующие сегодня в России нормы жилой площади таковы: в отдельной квартире на человека полагается 12 м², в общежитии — 6 м², абсолютным минимумом, видимо, можно считать нормативы жилой площади, предоставляемой осужденным: в исправительных колониях 2 м², в тюрьмах — 2,5 м², в колониях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами — 3 м². Таким образом, норма жилой площади варьирует от 12 м² до 2 м², при этом первую цифру можно считать нормой жизни, вторую — нормой выживания. К какой же из этих цифр была ближе норма жилой площади в расчете на одного человека в традиционной крестьянской избе?

Для ответа на этот вопрос обратимся к данным первой половины XVIII века. Этот период уже вполне документирован в интересующем нас отношении, а кроме того, это было время до начала демографического взрыва и аграрного кризиса второй половины XIX — начала XX вв., свидетельством которых, по сути дела, является информация основной массы этнографических источников. По данным М.Г. Рабиновича, основанным на анализе описаний 617 сельских усадеб XVI — XVII веков, подавляющее большинство (98,6%) крестьянских жилищ были однокамерными, то есть представляли собой избу без сеней и клети; двухкамерные жилища составляли 1%, трехкамерные — 0,4%¹. В первой половине XVIII в. камерность и этажность крестьянского жилища несколько увеличивается, особенно на Севере и в Сибири, однако жилые, то есть теплые клети и подклети, в крестьянских домах (в отличие от домов посадских), оставались исключением, поэтому в качестве стандартного образца мы можем взять однокамерную поземную избу.

Как правило, изба представляла собой сруб с длиной стороны 3 сажени (6,4 м), сложенный из сосновых или еловых бревен толщиной 6—7 вершков (27—32 см) в отрубе. Дело в том, что и сосна, и ель в наиболее подходящем для рубки возрасте (80—100 лет) имеют слабый перепад толщины от комля к вершине, практически незаметный на 6—10-метровых отрезках, что позволяет избежать дополнительного обтесывания. В Восточной Европе строили в основном именно из древесины этих пород, поэтому трехсаженное бревно стало своеобразным строительным модулем. Такое бревно обладает лучшим соотношением длины и веса: своим весом оно достаточно прочно придавливается к нижнему и потому крепко сидит в угловом замке (если бревно будет длиннее, оно будет плохо прижиматься к нижнему в средней

Шипилов Андрей Васильевич — кандидат культурологии, доцент Воронежского государственного аграрного университета.

части, а из-за своей тяжести будет слишком давить на последнее, так что сруб будет расширять книзу). Кроме того, бытовавшие в данную эпоху способы сооружения перекрытия (самцовыс, костровыс и прочие виды кровли), где использовалось много дерева (рубленный топором тес бывал до 10 см толщиной), делали последнее очень тяжелым, так что при увеличении длины стен (а, значит, и веса кровли) сруб могло просто «распереть».

При расчете жилой площади избы надо учитывать, что указываемая в источниках длина стены сруба обычно включала в себя и выпуск (при рубке «в обло») по 20—30 см с каждой стороны, а внутренняя длина была меньше внешней на толщину бревна; соответственно, внутренняя площадь трехсаженного сруба, сложенного из 6-вершковых бревен с выпуском в 25 см, будет равняться не 41 м², а 34,6 м². Кроме того, необходимо вычесть площадь печи, занимавшей примерно 4 м², и тогда размер жилой площади будет приблизительно равен 30 м². Крестьянские семьи в России первой половины XVIII в. были в основном малыми и по численности не очень большими — чаще семья насчитывала 4—6, реже 10—12, в среднем 7—8 человек обоего пола (впрочем, были семьи и по 20, и даже по 30 человек)². Соответственно, если в избе жили 7 чел., то на одного человека приходилось 4,3 м² жилой площади, если 8 чел. — 3,8 м², а в среднем — 4 м².

Эти расчетные цифры мы можем проверить на материале описей помещичьих имений первой четверти XVIII века. Вот опись владений А.В. Кикина в Новгородском уезде (1718 г.): в помещичьем дворе на Коростыньском погосте 5 людских изб, в них живут 53 чел. дворовых, то есть средняя населенность избы — 10,6 чел. (с детьми; далее — так же), еще в 9 избах живут 57 чел. задворных (населенность — 6,3 чел.); в деревне Овси в 44 избах живут 306 чел. крестьян (6,9); д. Веряжица — 81 изба, 499 чел. (6,2); д. Корчица — 4 избы, 39 чел. (9,7); селцо Пустошь — 35 изб, 188 чел. (5,4); д. Заполья — 12 изб, 74 чел. (6,2); д. Псижа — 6 изб, 44 чел. (7,3); д. Валушина — 5 изб, 32 чел. (6,4); д. Ручья — 12 изб, 68 чел. (5,7); д. Ионово — 3 избы, 18 чел. (6,0); д. Отока — 6 изб, 54 чел. (9,0); д. Истомня — 42 избы, 268 чел. (6,4); селцо Подгощи — 76 изб, 489 чел. (6,4); д. Луки — 17 изб, 120 чел. (7,1); д. Райцы — 4 избы, 62 чел. (15,5); д. Кошелева — 9 изб, 58 чел. (6,4); д. Борнова — 8 изб, 57 чел. (7,1); д. Подолья — 11 изб, 86 чел. (7,8); д. Острово — 8 изб, 74 чел. (9,2); д. Речка — 18 изб, 128 чел. (7,1); д. Сушво — 11 изб, 62 чел. (5,6); д. Жары — 13 изб, 129 чел. (9,9); д. Малый Витонец — 17 изб, 135 чел. (7,9); д. Большой Витонец — 33 избы, 226 чел. (6,8); д. Коломо — 15 изб, 108 чел. (7,2); д. Усполон — 8 изб, 58 чел. (7,2); д. Верешино — 13 изб, 78 чел. (6,0); д. Горицы — 31 изба, 317 чел. (10,2); Бурежский погост — 28 изб, 196 чел. (7,0); д. Канечек — 2 избы, 18 чел. (9,0); д. Волкотичи — 13 изб, 82 чел. (6,3); д. Ретло — 40 изб, 316 чел. (7,9); д. Перетерки — 9 изб, 89 чел. (9,9); д. Горки — 7 изб, 41 чел. (5,9); д. Луншин Мост — 5 изб, 33 чел. (6,6); д. Борисово — 18 изб, 104 чел. (5,8); д. Соломка — 7 изб, 39 чел. (5,6); д. Бубнишево — 2 избы, 9 чел. (4,5); д. Уженный Рядок — 17 изб, 143 чел. (8,4). Всего у Кикина в 2-х погостах с деревнями было 265 крестьянских дворов, на которых в 691 избе проживало 4853 крестьянина³; соответственно, средняя населенность крестьянской избы в этом районе равнялась 7 чел., минимальная, как мы видели — 4,5 чел., а максимальная — 15,5 чел.

Некоторые сведения мы можем привести и по другим районам: у майора И.П. Лопухина в селе Некоморне Юрьево-Польского уезда в 45-ти избах жило 318 чел. (7,1), в селе Фроловском в 48 избах — 340 чел. (7,1). У капитана Ф.В. Безобразова в селце Лихвинки Владимирского уезда в 1724 г. была следующая населенность дворов: 1-й двор — 2 избы, 15 чел., 2-й двор — 1 изба, 6 чел., 3-й — 1 изба, 8 чел., 4-й — 1 изба, 4 чел., 5-й — 1 изба, 9 чел., 6-й — 3 избы, 16 чел. У поручика И.В. Отяева в селе Вожево Кромского уезда в 1723 г. на одном дворе в одной избе жило 6 чел., в другом — 10, в третьем в 2-х избах — 10 чел., в четвертом в 2-х избах — 17 чел.; в его же селце Рассохово было 10 семей, проживавших в одной избе, при этом в 3-х семьях было по 8 чел., в 3-х — по 9 чел., в 3-х — по 10 чел., в 1-й — 12 чел.; 4 семьи проживали в 2-х избах, было в них, соответственно, по 4, 5, 9 и 19 чел., и одна семья из 20 чел. проживала в 3-х избах. В том же году в том же уезде в принадлежавшем обер-президенту надворного суда В.Ф. Стремоухову селе Шеблыкино по 1-й избе имели 34 семьи; из 3-х чел. состояла 1 семья, из 4-х — 2 семьи, из 5-ти — 2 семьи, из 6-ти — 2 семьи, из 7-ми — 2 семьи, из 8-ми — 6 семей, из 9-ти — 6 семей, из 10-ти — 1 семья, из 11-ти — 4 семьи, из 12-ти — 3 семьи, из 13-ти — 2 семьи, еще в одной семье было 15, и в другой — 20 чел. По 2 избы имели 8 семей: в одной было 9 чел., в другой 10 чел., в третьей 12 чел., в четвертой — 14 чел., в пятой — 17 чел., в шестой — 19 чел., в седьмой — 20 чел., и в восьмой — 26 чел. В деревне Ноздрачевой по 1-й избе имело 10 семей; из 5 чел. состояли 2 семьи, из 6 чел. — 4 семьи, из 7 чел. — 2 семьи, из 10 чел. — 2 семьи; по 2 избы имели 2 семьи, в одной было 16 чел., в другой 18 чел.

В деревне Савостиной по 1-й избе имели 3 семьи — одна из 6-ти чел., и две из 9 чел.; по 2 избы имели тоже 3 семьи — одна из 10-ти, другая из 12-ти, третья из 16 чел. Наконец, в деревне Гречихино по 1-й избе имели 4 семьи: одна из 4 чел., другая из 5 чел., в двух семьях было по 6 чел., и еще одна семья из 13 чел. имела 2 избы. В том же Кромском уезде в 1724 г. воевода Елецкой провинции В.П. Зиновьев владел деревней Гостомля. В этой деревне по 1-й избе имело 56 семей: из 3-х чел. состояла 1 семья, из 4-х чел. — 5 семей, из 5-ти чел. — 10 семей, из 6-ти чел. — 10 семей, из 7-ми чел. — 6 семей, из 8-ми чел. — 6 семей, из 9-ти чел. — 7 семей, из 10-ти чел. — 5 семей, из 11 чел. — 2 семьи, из 12 чел. — 1 семья, из 13 чел. — 2 семьи, из 14-ти чел. — 1 семья; по 2 избы имело 4 семьи: одна состояла из 10-ти, другая из 11-ти, третья из 12 и четвертая — из 15 чел.; наконец, одна семья, состоявшая из 24 чел., имела 3 избы.

Наконец, опись владения дьяка А.Г. Ратманова — деревни, «что на Мокром Сменке», деревни Гололобовки и села Никольского (Елецкий уезд, 1723 г.) дает нам возможность не только установить населенность избы, но и вычислить примерную площадь, приходившуюся на одного члена семьи. В этих трех населенных пунктах проживала 31 семья, причем две избы было только у одной семьи, которая состояла из 19 чел. и размещалась в одной избе в две с половиной сажени и другой, двухсаженной. Две семьи, из 2-х и из 5-ти человек, жили в избах в 1,5 сажень; 15 семей жили в избах по 2 сажени: одна семья из 2-х чел., одна семья из 3-х чел., две семьи из 5-ти чел., четыре семьи из 6-ти чел., две семьи из 7-ми чел., одна семья из 8 чел., одна семья из 9 чел., одна семья из 10 чел., и две семьи из 11 чел.; две семьи, из 5-ти и 7-ми чел., жили в избах в 2,5 сажень; и 11 семей жило в избах в 3 сажени: одна семья из 3 чел., две семьи из 5 чел., одна семья из 6 чел., одна семья из 7-ми чел., четыре семьи из 9-ти чел., одна семья из 12-ти, и одна — из 17 человек⁴.

Предположим, что все эти избы были срублены из 6-вершковы бревен, и во всех стояла печь площадью 4 м²; тогда чистая внутренняя площадь избы в 1,5 сажени будет равна 2,8 м², избы в 2 сажени — 9,7 м², избы в 2,5 сажени — 18,9 м², избы в 3 сажени — 26,2 м². Соответственно, в принадлежавших Ратманову крестьянских семьях из тех, что жили в избах по 1,5 сажени, в одной на человека приходилось 1,4 м², в другой — 0,6 м²; из тех, что жили в избах по 2 сажени, в одной на человека приходилось 4,8 м², еще в одной — 3,2 м², в двух — 1,9 м², в четырех — 1,6 м², в двух — 1,4 м², в одной — 1,2 м², в одной — 1,1 м², в одной — 1,0 м², и в двух — 0,9 м²; из тех, что жили в избах по 2,5 сажени, в одной на человека приходилось 3,8 м², в другой — 2,7 м²; из тех, что жили в избах в 3 сажени, в одной семье на человека приходилось 8,7 м², в двух — 5,2 м², в одной — 4,4 м², в одной — 3,7 м², в четырех — 2,9 м², в одной — 2,2 м², и в одной — 1,5 м²; наконец, в одной семье, имевшей две избы, на человека приходилось тоже 1,5 м². Таким образом, из 31 семьи в 4-х (12,9%) на одного члена приходилось до 1 м² жилой площади, в 13-ти (41,9%) — от 1 до 2 м², в 6-ти (19,3%) — от 2 до 3 м², в 3-х (9,6%) — от 3 до 4 м², в 2-х (6,4%) — от 4 до 5 м², и в 3-х (9,6%) — свыше 5 м².

На этом примере становится ясно, что в 2/3 семей на одного человека приходилось до 3 квадратных метров жилой площади — иначе говоря, современная норма для осужденных, причем больше половины (54,8%) из этих людей довольствовались жилой площадью менее 2 м² на одного человека, то есть меньше современного абсолютного минимума, определяющего норму жилой площади на человека в исправительных колониях. Изба была настолько тесной, что для сна приходилось использовать любую плоскую поверхность — полаты или «пол», печь, голбец, лавки, при этом на относительно широких полатах и печи спать приходилось сразу нескольким членам семьи. На это всегда обращали внимание бывавшие в России иностранцы. Так, Адам Олеарий, член голштинского посольства 1633 — 1634 гг., пишет о русских простолоюдинах: «Спят они на лавках, а зимою... на печи... Тут лежат рядом мужчины, женщины, дети, слуги и служанки». А. Лизск, секретарь австрийского посольства, побывавшего в Москве в 1675 г., рассказывает: «В русских деревнях родители, дети, домашний скот живут в одной избе вместе... хозяйва, хозяйки, слуги, служанки и дети совершенно между собой перемешаны, лежат без всяких постелей. В одной избе мы насчитали четыре супружества, спавшие вместе в таком беспорядке». Э. Джастис, гувернантка английского купца Х. Эванса, жившая в Петербурге в 1734—1737 годы, свидетельствует: «Русские [простолоюдины] не знают кроватей, они лежат вместе по 16 и 20 человек на скамьях или на полу, подстелив рогожи»⁵. Такие же свидетельства во множестве встречаются и в позднейшей отечественной литературе; крестьянская жилище было постоянно переполнено, особенно зимой, и изба из века в век представляла собой некомфортабельное, не соответствующее элементарным санитарно-гигиеническим нормам жилье.

Причиной этого отнюдь не являлся недостаток земельной площади усадеб. В рассматриваемый период большинство сельских поселений были еще настолько малолюдными, что в них могло не быть не только дворовых оград, но и самих улиц. Уличная планировка селения предполагает наличие двух рядов примыкающих друг к другу дворов, при этом дома одного ряда должны быть обращены своими фасадами к фасадам домов другого ряда. Первым необходимым условием для образования улицы является наличие в селении некоего определенного числа дворов и, соответственно, жилых построек: проход между двумя — тремя парами дворов трудно назвать улицей, если даже эти дворы стоят в два ряда вплотную друг к другу, а дома расположены так, что фасады одного ряда смотрят на фасады другого. Конечно, трудно назвать определенную минимальную цифру дворов, из которых должна была состоять улица — любая цифра будет произвольной; но, как нам кажется, количество дворов в улице должно измеряться все же не единицами, а десятками. В свою очередь, для этого нужно, чтобы селение, если оно даже состоит из одной улицы, насчитывало то же самое количество дворов — по крайней мере, не менее одного — двух десятков; однако далеко не все сельские поселения в России первой половины XVIII в. подходили под этот критерий.

На Европейском Севере даже в конце XVIII в. среднее число дворов в деревне не превышало 8, а на начало века равнялось 5⁶. По центру и югу страны на первую половину XVIII в. подобных данных в литературе не имеется (во всяком случае они автору неизвестны); поэтому мы провели небольшое исследование, проанализировав сведения о количестве дворов в сельских поселениях разных типов, содержащиеся в известном сборнике описей имений «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.» (использовались данные, относящиеся только к целым населенным пунктам — встречающиеся в документах «полудеревни» и пр. не учитывались; учитывалось количество только крестьянских дворов — без дворов холопов и церковнослужителей).

Всего нами было учтено 430 сельских населенных пунктов, принадлежавших 65 помещикам. Эти населенные пункты располагались в 64-х уездах: Новгородский уезд — 36, Вологодский — 31, Суздальский — 26, Брянский и Московский — по 18, Ростовский, Коломенский и Костромской — по 15, Кашинский — 14, Рязанский и Каширский — по 13, Кромский — 12, Орловский, Ярославский и Владимирский — по 10, Вяземский и Дмитровский — по 9, Рузский, Болховской и Нижегородский — по 8, Холмский, Ямбургский, Галицкий и Касимовский — по 7, Переяславль-Рязанский, Торопецкий и Елецкий — по 6, Смоленский, Алексинский, Луцкий, Можайский и Муромский — по 5, Тульский и Епифанский — по 4, Новоторжский, Юрьево-Польский, Веневский, Козельский, Луховский и Михайловский — по 3, Пензенский, Тарусский, Тверской, Шуйский, Данковский, Дедиловский, Зарайский, Карачевский, Курмышский, Мещовский и Новосильский — по 2, и Одоевский, Рылский, Саранский, Серпейский, Соловской, Тамбовский, Темниковский, Чернский, Шацкий, Арзамасский, Бельский, Ефремовский и Мценский — по 1 населенному пункту. В этом списке представлены в основном центральные и южные уезды, однако есть и северные уезды, причем по ним учтено значительное количество поселений, так что выборка в целом получается вполне репрезентативной.

По видам поселений распределение следующее: 291 деревня, 81 село, 54 сельца и 4 слободы. Общее количество дворов во всех 430 населенных пунктах — 3750, соответственно, среднее количество дворов в одном населенном пункте — 8,7. По отдельным видам поселений картина такая: общее количество дворов в деревнях — 1739, соответственно, среднее количество дворов в деревне — 6,0; общее количество дворов в селах — 1235, среднее количество дворов в селе — 21,4; общее количество дворов в сельцах — 535, среднее количество дворов в сельце — 9,9; наконец, общее количество дворов в слободах — 241, среднее количество дворов в слободе — 60,2. Однако эти средние цифры являются, пожалуй, чересчур «средними»: например, из 4-х слобод, по которым у нас есть данные, в одной был 1 двор, в другой — 6, в третьей — 11, и в четвертой — 223 (Ломовская слобода, будущий уездный город Нижний Ломов), так что выведенная отсюда средняя цифра в 60,2 двора только искажает картину. Поэтому мы поступили иначе и вычислили долю однодворных, двухдворных и т. д. поселений, как по отдельным видам последних, так и в целом.

Результаты выглядят следующим образом. Из всего количества деревень (291) 1-дворных было 48 (16,49% от общего количества деревень), 2-дворных — 45 (15,46%), 3-дворных — 37 (12,71%), 4-дворных — 31 (10,65%), 5-дворных — 28 (9,62%), с количеством дворов от 6 до 10 — 64 (21,99%), с количеством дворов от 11 до 20 — 26 (8,93%), с количеством дворов от 20 до 30 — 8 (2,75%), с количеством дворов свыше 30 (максимальное количество — 60) — 4 (1,37%). Распределение по дворам было,

естественно, прямо противоположным: на долю однодворных деревень приходилось 2,76% от общего количества дворов в деревнях (1739), на долю двухдворных — 5,17%, трехдворных — 6,38%, четырехдворных — 7,13%, пятидворных — 8,05; всего на долю деревень, количество дворов в которых не превышало 5, пришлось 29,49% от общего количества дворов, а на долю деревень, количество дворов в которых превышало 30, пришлось 10,47%.

Из общего количества сел (81) 1-дворных было 7 (8,64%), 2-дворных — 7 (8,64%), 3-дворных — 3 (3,70%), 4-дворных — 7 (8,64%), 5-дворных — 3 (3,70), с количеством дворов от 6 до 10 — 16 (19,75%), с количеством дворов от 11 до 20 — 18 (22,2%), с количеством дворов от 21 до 30 — 7 (8,64%), с количеством дворов свыше 30 (максимальное количество — 82) — 13 (16,05%). На долю однодворных сел приходилось 0,57% от общего количества дворов в селах (1235), на долю двухдворных — 1,13%, трехдворных — 0,73%, четырехдворных — 2,37%, пятидворных — 1,21%; всего на долю сел, количество дворов в которых не превышало 5, пришлось 5,91% от общего количества дворов, а на долю сел, количество дворов в которых превышало 30, пришлось 47,04%.

Из общего количества селец (54) 1-дворных было 5 (9,26%), 2-дворных — 6 (11,11%), 3-дворных — 5 (9,26%), 4-дворных — 3 (5,56%), 5-дворных — 2 (3,70%), с количеством дворов от 6 до 10 — 14 (25,93%), с количеством дворов от 11 до 20 — 13 (24,07%), с количеством дворов от 21 до 30 — 4 (7,40%), с количеством дворов свыше 30 (максимальное количество — 60) — 2 (3,70%). На долю однодворных селец приходилось 0,93% от общего количества дворов в сельцах (535), двухдворных — 2,24%, трехдворных — 2,80%, четырехдворных — 2,24%, пятидворных — 1,87%; всего на долю селец, количество дворов в которых не превышало 5, пришлось 10,08% от общего количества дворов, а на долю селец, количество дворов в которых превышало 30, пришлось 17,57%.

Наконец, слобод было всего 4; о количестве дворов в них мы уже говорили — одна однодворная, другая попадает в разряд поселений с количеством дворов от 6 до 10, третья в разряд «от 11 до 20», и четвертая в разряд «свыше 30». Соответственно, по отношению к общему числу слобод на долю каждой приходится по 25%, а по отношению к общему количеству дворов на долю однодворной Радицкой слободы (Брянский уезд, владелец Д.Ф. Панютин) приходится 0,41%, а на долю Ломовской слободы с ее 223 дворами (Пензенский уезд, владелец П.П. Шафиров) — 92,53%.

По сельским поселениям всех видов мы имеем следующую картину: из общего их количества (430) 1-дворных было 61 (14,9%), 2-дворных — 58 (13,49%), 3-дворных — 45 (10,46%), 4-дворных — 41 (9,53%), 5-дворных — 33 (7,67%), с количеством дворов от 6 до 10 — 95 (22,09%), с количеством дворов от 11 до 20 — 58 (13,49%), с количеством дворов от 21 до 30 — 19 (4,42%), с количеством дворов свыше 30 (максимальное количество — 223) — 20 (4,65%). На долю однодворных поселений приходится 1,63% от общего количества дворов (3750), на долю двухдворных — 3,09%, трехдворных — 3,60%, четырехдворных — 4,37%, пятидворных — 4,40%; всего на долю поселений, количество дворов в которых не превышало 5, пришлось 17,09% от общего количества дворов, а на долю поселений, количество дворов в которых было свыше 30 — 28,8%. Поселений с количеством дворов не более 3-х было 38,14%, не более 5-ти — 55,34%, не более 10-ти — 77,43%, не более 20-ти — 90,92%, не более 30-ти — 95,34%. Таким образом, в первой четверти XVIII в. более трети всех поселений имели по 1 — 3 двора, более половины — по 1 — 5 дворов, более 2/3 — по 1 — 10 дворов. Возможно, привлечение данных по другим уездам могло бы изменить эту картину, и еще более вероятно, что к 50 — 60-м гг. XVIII в. она действительно несколько изменилась в сторону общего увеличения количества дворов в поселениях и роста доли многодворных поселений, однако вряд ли эти изменения были глобальными.

Таким образом, поселения были малодворными, и земли для усадьбы и, соответственно, для дома, было вполне достаточно. О том же самом говорит и тот факт, что дворы иногда не огораживались, то есть не представляли из себя закрытого комплекса — ни в юридическом, ни в хозяйственно-планировочном отношении. До XVI века крестьянские дворы, как свидетельствуют археологические и письменные источники, огораживались лишь в исключительных случаях⁷. При господстве подсежного и залежно-переложного земледелия не только конфигурация, но и местоположение жилых и хозяйственных построек могли часто меняться, что не способствовало образованию двора как стабильного огороженного участка, отделенного как от окружающих поселения пашен и лугов, так и от других таких же дворов. Ситуация стала меняться только в московский период: по мере распространения трехполюя снижается как возможность, так и необходимость в изменении местоположения жилых и хозяйственных построек, развитие помещичьего землевладения приводит к необхо-

димости более точного определения границ владельческих крестьянских усадеб, при продвижении русского населения на юг, в приграничную и пограничную лесостепь, действует оборонительный фактор — дворы укрепляются, наконец, на севере идет процесс складывания сомкнутого крытого двора. Однако этот процесс развивается медленно: в порядных грамотах, разных описях ограды и изгороди как XVII в., так и более позднего времени могут упоминаться, а могут и не упоминаться, причем в последнем случае отсутствие упоминания можно трактовать и как подтверждение, и как отрицание действительного отсутствия ограды (при описях городских усадеб, да и на графических изображениях ограды тоже нередко отсутствуют, но в городах усадебно-огораживались обязательно).

В описях помещичьих имений первой четверти XVIII в. встречаются упоминания об огороженных крестьянских дворах: в д. Гридневой Можайского уезда (1705 г.) было 8 дворов, из них три имели по периметру сараи, а два были обнесены забором; из принадлежавших помещикам-наборщикам двух крестьянских дворов в Епифанском уезде (1715 г.) один был «огорожен плетнем», другой «огорожен тыном и плетнем»; из 31 двора в двух деревнях и одном селе Елецкого уезда (1723 г.) о 29-ти в описи было сказано: «двор огорожен плетнем», об одном «двор огорожен 2 стены в замет, 2 плетнем», и об одном «двор огорожен 3 стены тыном, 4-я в замет», при этом 15 дворов имели «ворота притворчетые». В селе и сельце Кромского уезда (1723 г.), состоявших из 19 дворов, все дворы были огорожены плетнем, либо плетнем и сараем, либо плетнем и забором или плетнем и скитом и т.п. В том же году в том же уезде в одном селе и трех деревнях было описано 26 дворов; только два двора не имели ограды, об остальных говорилось, что двор огорожен скитом (19 дворов), скитом и забором (3 двора), плетнем и забором (1 двор), и еще на одном дворе были упомянуты только «двоя ворота». В 1724 г. в том же Кромском уезде в одной деревне из 60 дворов плетнем был огорожен 31 двор, скитом — 4, скитом и плетнем — 3, «скитом стоячим» — 2; несколько дворов имели более сложные ограды — «двор огорожен скитом, огород огорожен скитом», «двор огорожен скитом стоячим, гумно огорожено плетнем», «двор огорожен скитом стоячим, гумно огорожено кольем стоячим» и т.п., и только об одном дворе говорилось — «городьбы и хлеба никокова нет». Наконец, в том же 1724 г., но в другом — Владимирском уезде, опись деревни из 6 дворов даст следующую картину: «круг двора огорожено заборавами» — 1 двор, «кругом двора сараи» — 2 двора, остальные три двора без ограды⁸.

На первый взгляд, судя по материалам этих описей, подавляющее большинство крестьянских дворов в первой четверти XVIII в. уже были тем или иным способом огорожены, то есть сформировались в качестве собственно дворов. Однако эти описи являются редким исключением в общей массе подобных документов, относятся всего к нескольким селениям 5-ти уездов, причем все эти селения частновладельческие; как обстояло дело в других уездах и у других категорий крестьян, мы не знаем. Относительно первой половины XVIII в. мы не можем с абсолютной уверенностью сказать, насколько распространены были огороженные дворы в сельских поселениях того или иного района или у хозяев с разным имущественным положением и социальным (сословно-юридическим) статусом. Однако мы можем быть вполне уверены в другом — что неогороженные дворы в это время существовали (например, в 1720 г. в Тюменском уезде заплотою были обнесены 16 крестьянских усадеб из 40 описанных⁹). Отсутствие ограды двора означало, что территория одной крестьянской усадьбы лишь минимально дифференцировалась как от другой усадьбы, так и от улицы — если последняя вообще существовала. В малодворных деревнях, особенно государственных или принадлежавших одному владельцу, большой нужды в огораживании двора, видимо, не было: хозяева трех, пяти, восьми дворов вряд ли нуждались в точном определении границ своих усадебных участков, так как могли возвести необходимые им постройки где-нибудь по соседству, на незанятой территории.

И.Т. Посошков в «Завещании отеческом», высказывая совет строить новые села в противопожарных целях в соответствии с принципами регулярной планировки, писал: «Аще ти случится поселить, где деревня внове, то ты дворы им розмеряй не по прежнему обыкновению, узки и тесны, но сделай их шириною сажень по осми, иль по десяти; да и строй их вместе толко по два двора, гнездами; да отступя от тех дворов сажень дватцать или и болши, другие два двора поставь, и паки и от тех дворов толикое же число отступя, поставь два же двора. ...И кая деревня сидела на полуверсте, а по тому размеру аще протягнетца на версту, или и на полторы, то о том тужить не о чем»¹⁰. Те же самые положения и нормативы фигурировали и в официальных указах о перепланировке деревень, периодически издававшихся, начиная с указа от 7 августа 1722 г. (с 1722 по 1879 г. было издано 22 указа, касающихся вопросов планировки сельских поселений)¹¹. Таким образом, Посошков не видел проблемы в увеличении

размеров деревни в два — три раза при том же количестве дворов, давал совет — «А проезжие улицы вели делать шириною сажен тритцати, или и больши...», и ничего не говорит о длине дворовых участков. Заметим, что к указу 1722 г. о перепланировке деревни был приложен печатный чертеж, на котором были изображены вдвоенные дворы «гнездами», поставленные друг от друга на 30 саженной, овнины даны за огородами на расстоянии не меньше 35 саженной, и при этом написано: «На сем чертеже нарисованы дворы длиною по 15 сажен шириною по 10. А кто похочет строить длиннее и шире или короче нуже што им позволяется толькоб между дву дворов меньше 30 сажен не было»¹². Иными словами, размеры сельских усадебных участков практически не ограничивались, так как ничего похожего на земельный голод еще не наблюдалось.

Однако на этих просторных усадьбах большую часть территории занимал огород, так что «дворовое место» было в 2, а то и в 3 раза меньше «огородного»; более того, собственно дом занимал 1/3 или 1/5 «дворового места», а жилая площадь составляла лишь половину или третью часть дома, так как жилым помещением являлось только помещение с печью. Именно необходимость отапливать жилище в течение длительного холодного периода лимитировала размеры жилой площади, при этом проблема заключалась не в недостатке топлива. К началу XVIII в. 46,4% территории Европейской России относилось к северной природной зоне (тундра, лесотундра, тайга), 12,1% — к зоне смешанных и широколиственных лесов, 20,9% — к лесостепной зоне, 20,6% — к южной зоне (степи и полупустыни). По данным первой ревизии (1719 г.), в северной зоне проживало 12,4% населения, в зоне смешанных и широколиственных лесов — 42,5%, в лесостепной зоне — 42,5%, в южной — 2,6%¹³. Таким образом, большая часть населения страны размещалась на территориях, не испытывавших дефицита топливных ресурсов. В 1696 г. лесом было покрыто 52,7% территории Европейской России, а пашня занимала только 7,9%; в 1763 г., почти через 70 лет, доля пашни увеличилась до 13%, а доля леса снизилась до 49%¹⁴. Естественно, соотношение пашни и леса по разным губерниям были различным: так, на территории будущей Вологодской губернии на 1696 г. пашни было 1%, леса — 95%, в 1763 г. площадь пашни увеличилась до 1,7%, а леса снизилась до 94%. Для Костромской губернии эти соотношения выражались цифрами, соответственно, в 6,9% и 83,1% (1696 г.) и 17,8% и 72,9% (1763 г.), для Тверской — 9% и 75,8% (1696 г.) и 23,2% и 58,1% (1763 г.), Московской — 35,5% и 48,2% (1696 г.) и 38% и 46% (1763 г.), Курской — 18,5% и 16,2% (1696 г.), 40,4% и 13,6% (1763 г.). Тем не менее, несмотря на то, что в первой половине XVIII в. ежегодно вырубалось от 203 до 233 тыс. га леса в год, топлива даже на юге было вполне достаточно: на 1719 г. в лесостепной зоне на душу м.п. приходилось 7,3 га леса (а на Севере — 147 га)¹⁵.

Россия была поистине «деревянной страной»: деревянным было все — предметы быта, производственный и хозяйственный инвентарь, средства транспорта, жилище и т.д.; достаточно сказать, что вплоть до середины XIX в. 90% бытовых вещей и производственного инвентаря у крестьян изготавливались из дерева, а на 1900 г. только 4% всего жилого фонда страны составляли каменные строения, а 96% построек были деревянными¹⁶. По М.А. Цейтлуну, только на отопление и строительство в год на душу населения шло 4,8 кубометра древесины¹⁷; добавив один кубометр на душу на промышленное потребление древесины и 0,2 кубометра — на разные производственные, хозяйственные, бытовые изделия, получим 6 кубометров на человека в год, соответственно, для середины XVIII в. общая цифра ежегодного потребления древесины в России составит 140 млн. кубометров. При этом основная часть этого огромного количества приходилась как раз на топливо: для отопления на душу населения требовалось, по разным данным, от 2 до 5 кубометров дров в год, в среднем 3,85 кубометра (по А.В. Дулову), на один двор (избу и овин) расходовалось 35,6 кубометров дров ежегодно, на отопление одного покоя (по инструкции П.А. Румянцева), то есть комнаты с печью, при топке по-белому в год требовалось 24 кубометра¹⁸.

Именно это и было главной причиной тесноты, сверхминимальной жилой площади крестьянской избы: даже при своих скромных размерах порядка 30 кв. метров единственное жилое помещение требовало на отопление 20 — 30 кубометров дров, а заготовить такое количество было непросто, не говоря уже о том, чтобы запастись дров на несколько таких комнат. Поэтому даже в больших домах повышенной камерности и этажности, например, в доме «изба — сени — клеть» на подклете, жилая площадь составляла всего 1/5 — 1/6 от общей площади жилища. В противоположном случае, если бы дом состоял из двух горниц или жилых избы, клети и сеней, да еще если изба и клеть стояли на жилых подклетах, то жилая площадь составляла до 4/5 от общей; если условно предположить размер избы, сеней и клети равным 3 саженным, то при общей внешней площади такого дома в 123 м² и внутренней площади (с подклетами) в 207,6 м² жилая площадь равнялась бы 173 м². Однако хозяину такого дома пона-

добилось бы сжигать в 5 печах ежегодно примерно 150 кубометров дров, а это 1,5 тыс. деревьев, которые нужно срубить, очистить, вывезти, распилить (или разрубить) и наколоть поленьев — задача для одной семьи практически непосильная. Горожанин, в отличие от крестьянина, мог приобретать дрова на рынке, особенно в тех районах, где леса имелось достаточно и дрова были дешевы. Так, в сибирском Енисейске в 1704 г. посадские среднего достатка жили в домах жилой площадью до 100 м²; из 33 описанных дворов только в 3-х теплые жилища имели площадь менее 30 м². Из 44-х теплых жилых помещений половина были размером 6,2х6,2 или 6,4х6,4 м (38,4 — 41 м²); печами снабжались не только изба и горницы, но и клетки, сени, подклеты (жилые клетки бывали по 18,5, 28,1, 41 м², сени — 4,4, 12,3, 18,5, 28,1, 41, 72,3 м²)¹⁹. Там же, где спрос на топливо был велик, а его источники далеки, отопление большого дома требовало серьезных расходов: так, в Москве в начале XVIII в. погонная сажень (3,2 м³) дров продавалась в среднем по 20 коп., в 1720-е гг. — уже по 60 коп., в 1750-е гг. за то же количество надо было платить уже 1 руб.²⁰ Таким образом, чтобы обеспечить годовым запасом топлива дом с пятью печами, москвичу в середине XVIII в. требовалось потратить 30 — 50 рублей; для сравнения — пара сапог в это время продавалась в старой столице за 30 коп., пуд осетрины — за 80 коп., квалифицированный промышленный рабочий зарабатывал 20 — 30 руб. в год, а поденщику платили 5 коп. в день.

Понятно, что тратить такие средства на отопление мог только достаточно состоятельный человек; однако нас интересуют не состоятельные горожане, а составлявшие подавляющее большинство населения страны крестьяне, которые не в любом случае не могли приобретать дрова на рынке. Крестьянин физически не мог заготавливать то количество топлива, которое требовалось на содержание дома с несколькими оборудованными печами комнатами, и потому был обречен довольствоваться самой минимальной жилой площадью; эта одна из характерных черт русской традиционной культуры — культуры выживания.

Примечания

1. Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975, с. 174—175, 244.
2. БАКЛАНОВА Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М. 1976, с. 36; История крестьянства России до 1917 г. Т. 3. М. 1993, с. 242; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. М. 1981, с. 20—21, 26, 35; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М. 1987, с. 363—364.
3. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М. 1951, с. 215—229.
4. Там же, с. 50, 79 — 84, 145—148, 149—157, 158—164, 355.
5. РЯБЦЕВ Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XI — XVII вв. М. 1998, с. 71, 316; БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб. 1997, с. 94.
6. Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая. М. 1985, с. 290.
7. Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985, с. 100.
8. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства, с. 50, 79—84, 85, 144—157, 149—157, 158—164, 178.
9. ШЕЛЕГИНА О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск. 1992, с. 86.
10. Цит. по: Восточнославянский этнографический сборник. М. 1956, с. 48—49.
11. Там же, с. 49—54; Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая, с. 299.
12. ТИЦ А.А. Загадки древнерусского чертежа. М. 1978, с. 140—141.
13. ДУЛОВ А.В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX века). М. 1983, с. 12, 39.
14. ЦВЕТКОВ М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М. 1957, с. 110—112; ДУЛОВ А.В. Природные условия и развитие производительных сил России в XVIII — середине XIX века. — Вопросы истории, 1979, № 1, с. 51.
15. ДУЛОВ А.В. Географическая среда и история России, с. 13.
16. О лесах России. Распределение лесов, их эксплуатация, внутренняя и внешняя лесная торговля. СПб. 1900, с. 15; ЛЕВАШЕВА В.П. Изделия из дерева, луба и бересты. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М. 1959, с. 61.
17. ДУЛОВ А.В. Географическая среда и история России, с. 136.
18. Там же, с. 135 — 136; МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998, с. 307; СТРУМИЛИН С.Г. Очерки экономической истории России. М. 1960, с. 55, 99.
19. АЛЕКСАНДРОВ В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М. 1964, с. 163—164.
20. МИРОНОВ Б.Н. «Революция цен» в России в XVIII веке. — Вопросы истории, 1971, № 11, с. 50—52.